

В краю Тургенева и Фета

«Объятья раскрывая свету...»

Представляем вниманию читателей «Орловской правды» подборку стихотворений члена Союза писателей России, председателя правления Орловской организации Союза писателей России, поэта Елены Машуковой.

Хрупок и тонок мир поэта. Заглянешь в глубокую хрустальную чашу поэтических образов — и увидишь, из каких материй состоит поэтическая вселенная. Они, пронизанные золотыми нитями высокой нравственной философии и светлыми красками эмоций, те же, из которых сложена жизнь любого человека: природа, дом, родина...

Разгорелись костры осенние,
Под осинами воздух светится...
На верёвочке шарик вертится,
Нам дарованный во спасение.

Рассыпается, брякая гранями,
Драгоценное наше прошлое,
Всё, что было у нас хорошего,
Пропадёт в листопадном
пламени.

Распрощаемся да утешимся.
И откуда снуют пожарники,
Мы летим в синеву на шарике
Да сильнее за верёвочку
держимся.

ГЛАГОЛЫ

Сад вековой корчевать,
сечь прабабкины письма,
отчий покинуть дом, ставни
заколотив,
и себя убедить, что не имеет
смысла
жизнь в деревне пустой, и
позабить мотив
песни из детского сна, вырвать из
сердца жалость
к сгорбленным старикам, что
остаются тут,
им прокричать на бегу: «Здесь
ничего не осталось
и ничего не будет, пусть меня не
найдут!»

Станция полупуста. Ждать
электричку — вечность.
До столицы дорога
длительностью в сто лет...
Но каждый её километр тяжёстью
давит на плечи,
но прожигает грудь
железнодорожный билет.
Рядом в вагоне — дед
хлеб разломил на части
и раздаёт, с улыбкой, соседям,
всем по куску.

Ты возьми да спроси: «Дед, что
такое счастье?»
Дед пожует папиросу... Ответит
тебе, дураку:
«Не гнать, не хватать, не держать,
не обманывать, не обижаться,
друга в беде не предать,
с совестью быть в ладу,
в смертном бою не сгореть,
воругу в плен не сдать
и вернуться домой даже в чёрном
бреду.»

ОТШЕЛЬНИК, ИЛИ СМЕРТЬ ДИОГЕНА

*Ищу человека
Диоген*

Это случилось вечером. Дождь
за окном, хмарь,
глянешь на небо — кажется, что
запотело стекло,
что потерял отшельник
негаснущий свой фонарь
где-то за горизонтом и плачет:
не рассветило.

Бродит он, горемыка, бос,
немошен, сед:
не развиднелось, не занялось
и людей никого.
«Старая ты развалина! Не уберёг
свет.

И не нашёл человека...» —
слышится шёпот его.

И тогда он подумал, что больше
надежды нет
и, возможно, напрасна жертва его
судьбе,
но каждому от рождения даруется
Божий свет,
чтобы найти человека прежде
всего — в себе.

СТАРЫЙ БАБУШКИН ДОМ

Дверь тяжёлую отброшу,
Век, что снег, стряхну с платка,
Только в бабушкином доме
Не разжечь мне камелька.

Нелюдим, непроницаем,
В белом поле дом плывёт.
Будто время отрицает.
Родины не узнаёт

И меня не замечает,
Призрачна его стена.
На снегах его качает
Детской памяти волна.

Лес в окне похож на фреску.
Над застывшей тишиной
Сквозь метели занавеску
Таёт в поле свет живой.

ДОРОЖНОЕ

Пустые хлопоты.
Случайный интерес.
День слякотный за окнами вагона.
Назад бежит, спешит трефовый
лес,
над ним кружит пиковая ворона.
И провода,
и рельсы,
и ноябрь,

полей заплатки, станций
эпизоды,
столбы, бытовки, хатки, огороды
и в воздухе сыром печная гарь...
Мой сонный край,
мой неуютный дом,
так дорог вдруг,
что жар сжимает горло.
Как просто всё.
Как быстро мчится «скорый».
Ритмичен стук колёс. О чём,
о чём они стучат?..
«Окно закрой! Сквозняка!»
Сосед в купе храпит хмельно
и ровно.
В промозглый сумрак,
в дальний березняк
пикирует
пиковая ворона.

Наши тайны наивны.
Одинаково светит
солнце робким и сильным, —
мы всегда Божьи дети.
И в лукавой гордыне,
и в лишеньях гонимы,
мы, слепые, седые,
всё же кем-то любимы,
а за что — неизвестно.
И как будто случайно
в суете поднебесной
эта светлая тайна.

ФИАЛКА

Когда закончится зима,
Ты в это сразу не поверишь.
Ещё в снегу пологий берег,
И в белом облаке дома.

Упала чашка со стола,
Над лестницей погасла лампа,
А на окошке расцвела
Фиалка ярко и внезапно —

Перешагнула Рубикон,
Объятья раскрывая свету.
И ты её простым цветком
Защищена, как амулетом.

ВЕТЛА

В белом небе — синие ветра.
В белом поле — чёрная дорога.
На пригорке старая ветла
Показалась странницей убогой.
Оголились руки до локтей,
Растрепались волосы седые,
Уходила будто от людей,
Позабывших истины простые.

В белом поле мёртвая трава
К старице протягивает тени.
Облетят ненужные слова
И погаснут в воздухе метельном.

ПЕРЕКРЁСТОК

Верно, спуталось время.
Ты сегодня не спишь...
На каком перекрёстке в темноте
ты стоишь?
И надеешься: где-то над зелёным
прудом

Есть просторный и тёплый
твой бревенчатый дом.
В нём распахнуты ставни, есть
и печка, и стол,
Пахнет ветром кедровым
в светлой горнице пол,
Рушники, занавески, а в углу —
образа,
Словно век утомился, оглянулся
назад.
Сочно падают вишни сладким
жаром в ладонь.
Станет грустно — сыграешь (есть
под лавкой гармонь).
Тени дум не тревожат и на сердце
легко,
Если вдруг занеможешь — грей
в печи молоко...

Осыпаются блёстки, обрамляя
камыш...
На каком перекрёстке в темноте
ты стоишь?
Может, спутались даты?
Может, жизнь не твоя?
В непостроенной хате
не раздуешь огня.

Листает осень главы тополей,
Бросает в топку рукописи клёнов;
Эхотворенья рощиц просветлённых
К закату мелодичней и смелей:
То треск костра и спаниелей лай,
То птичий крик или хлопок
ружья...

...Горячая, густая киноварь
Разбита о фортиссимо дождя;
Рассыпанными чётками рябин
Покатаются по инею мгновенья,
И в серебро впечатанный рубин
Научит постигать неповторенья.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

На траве,
на ветвях,
на крышах...
В даль,
где солнечный луч
померк,
поднимается
выше,
выше
и уже
не растает
снег.

В лабиринтах дворов и улиц
затерялись тепло и кров,
и рябины бредут, ссутулясь
под мешками людских грехов.
Первозданного света слепок
отражается в небесах;
то ли снег,
то ли белый пепел
не даёт распахнуть глаза,

заставляя смириться,
слиться
с тишиной
восковой аллеи,
будто выпала доля
родиться
в день последний,
в Помпее.

ВКУС МОЛОКА

На столе деревянном — краюха
хлеба
пахнет прогретым на солнце
зерном.
Вкус молока с земляничкой...
Мне бы вернуться в тот дом, —
вернуться в то ощущение света,
в ту его часть, в тот его век,
в котором радужная комета
летит через космос сомкнутых
век;
раскинув руки, тонуть в колючей
солومه, в жаре, в цветочной
пыльце,
прислушиваться к воркованью
излучин

с дурацкой улыбкой на лице,
потом, не жалея чумазных пяток,
шагнуть в горячую пыль босиком,
пройти вдоль колхозных
картофельных грядок
к тенистой запруде...
Жёлтым песком,
камешками-голышами,
ракушками

выслано дно. Весь осокой зарос
и одуванчиками-веснушками
берег усыпан до самых берёз,
до самого края просторного неба,
до плит, из которых растут
города,
до пробела в строке, из которого
мне бы
туда возвращаться,
пусть — иногда.

ОКНО

Я приготовлю ужин.
Сядем с тобою рядом.
Будем болтать и смеяться
И видеть, как за окном
Солнце листвою кружит,
Дождями и снегопадом
Бросает звонкие искры
В наш очень маленький дом...

Ты ни о чём не спросишь.
Я ничего не отвечу.
Просто мы будем рядом,
Как много лет всегда...
Там, где кончается вечер
И начинается млечный,
Жёлтым окошком в небе
Наша с тобой Звезда.

